

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ПАРЕМИЙ И СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Аппоев Алим Каншаевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», appoev74@mail.ru

В статье рассматривается язык сказок в лингвостилистическом аспекте. Карачаево-балкарские сказки – яркий и разнообразный в жанровом, сюжетном, языковом и художественно-стилистическом отношении пласт устного народного творчества. Сказка является одним из самых крупных, интересных, и необычайно сложных видов народной словесности. Изучение карачаево-балкарских «фауновых» паремий показывает, что их изобилие в фольклоре – явление неслучайное. Многие образы животных, особенно ведущие, видимо, в глубокую старину, перешли из сказок в пословицы и поговорки в виде «готовых моделей», т.е. образов, свободных от пространственных первоначальных контекстов, удобных для разговорной речи своей краткостью и обобщающей смысловой силой, художественной образностью паремий.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, паремии, сказки о животных, пословицы и поговорки о животных, лексика, стилистика.

В карачаево-балкарском языке слова *пословица* и *поговорка* передаются термином *нарт сёз*, означающим «уместно сказанное слово», «мудрое слово». Кроме того, параллельно с названным термином в течение многих столетий существуют такие народно-разговорные наименования данного жанра, как *къартланы сёзю* «изречения старцев», *бурунгуланы / эрттегилени / алгъыннгыланы сёзлери* «изречения древних» и т.п. О важной их роли в жизни этноса говорит ряд пословиц и поговорок, например: *Нарт сёз къарт болмаз* «Пословица не стареет», *Нарт сёз морт болмаз* «Пословица не заплесневает», *Нарт сёз – сёзню тамыры* «Пословица – основа (образности) речи», *Нарт сёз, тик болса да, тюз* «Пословица верна, если даже и крута», *Нарт сёз – тилни бети* «Пословица – красота языка», *Нарт сёз – тилни тиеги* «Пословица – клавиша языка»¹.

В паремиологическом фонде карачаево-балкарского фольклора пословицы и поговорки о животных составляют довольно обширный пласт и отличаются большим тематическим разнообразием.

Между сказочной и разговорной речью устанавливается очень тесная связь, наиболее выразительные обороты выходят из разговорной речи, вместе с тем происходит и обратный процесс: определённые сказочные формулы, отшлифованные на протяжении веков, передающиеся из уст в уста, покидая пределы сказки, входят в бытовую речь, способствуя обогащению языка.

В паремиях о животных высмеивается лень, неумение вести хозяйство, незнание природы и повадок животных, небрежное отношение к живности: *Осал тууарчыны ийнеклери сютсюз болур, осал къойчуну кютген къою тюзсюз болур* «У плохого пастуха – коровы без молока, овцы – без шерсти», *Аман малчы даулашычу болур* «Плохой скотовод любит спорить», *Осал малчыны къайнатхан эти*

бишмез «У плохого пастуха мясо не сварится», *Осал малчы къойгъа барса – ёлю кибик, къошха келсе – бёрю кибик* «Плохой пастух идет за стадом – как труп, придет на кош – как волк», *Осал малчы кюн тийгинчи уянмаз, уянса да, къобун малын жаялмаз* «Плохой пастух до восхода солнца не проснется, а если и проснется, не может встать и вывести скот пастись».

Многие пословицы и поговорки направлены против праздности, безделья, лени, неумения трудиться: *Ийнек сауа билмегенге арбаз къынгыр кёрюнюр* «Тому, кто не умеет доить коров, двор кажется неровным», *Иши болмагъан ит-лени суугъа элтир* «Бездельник водит собак к водопою», *Аман къойчу къойларын бёрюге къырдырыр* «У плохого пастуха овец волк задерет». Умеющий же хорошо трудиться получает соответствующую оценку, восхваляются его расторопность, умение, знания: *Иги малчыны тёрт кёзю болур* «У хорошего чабана четыре глаза», *Иги жылкычыны минген аты бек чабар* «У хорошего табунщика конь скачет быстрее».

Некоторые пословицы и поговорки содержат в себе конкретные практические советы: *Жюз атынг болса да, тик энишге минме, бир атынг болса да, тик ёрге тюшме* «Если имеешь даже сто лошадей, не садись, направляясь по склону вниз, если имеешь даже одну лошадь, не слезай, направляясь вверх», *Къойну сатсанг, жел кюн сат* «Продаешь овцу – продай в ветреный день», *Айыудан къачсанг, кён-делен къач* «Убегай от медведя наискосок» и др. В этих императивных паремиях воплощен житейский опыт людей, хорошо знающих местность и ее обитателей. Жители гор хорошо знают, что спускаться по крутому склону на лошади опасно: трудно удержать равновесие, можно свалиться, погубить лошадь и себя. Поэтому надо спешиться, взять лошадь под уздцы и спуститься осторожно, помогая лошади. Смысл второй поговорки заключается в том, что в ветреный день овца пушиста, и покупатель имеет больше возможности по достоинству оценить качество шерсти, что очень важно для людей, занимающихся домашним ткачеством, вязанием, изготовлением бурок, войлоков и пр. Третья поговорка содержит напоминание, что при передвижении по кручам и склонам медведь ловко бежит вверх и вниз, а по диагонали – теряет свою ловкость, четкость пространственной ориентации и скорость бега.

Пословицы и поговорки всегда были эффективным средством воспитания. Образные, легко запоминающиеся, они всегда несли в себе большой этический и эстетический заряд: *Атны игиси – чаршиде* «Лучший из коней – на скачках», гласит пословица о социальной активности достойного человека, о его гордости и достоинстве.

В паремиях карачаевцев и балкарцев закрепилось почтительное отношение к лошади: *Ат эрни къанатыды* «Лошадь – крылья мужчины». Из этой поговорки можно заключить, что лошадь является незаменимым помощником мужчины-воина, труженника, кормильца и т.д., поэтому она ассоциируется с крыльями. Благодаря коню человек мог облегчить свою жизнь, реализовать свои планы, поэтому и говорили: *Ат муратха жетдирир* «Лошадь способствует достижению цели». Конь в целом приносит пользу, о чем свидетельствуют следующие пословицы: *Иги алаша къарт болса, къаргъалагъа жеймиши болур* «Если хорошая лошадь состарится, то она станет пищей для ворон»; *Атны къуйругъундан тутхан суудан ётер* «Ухватившийся за хвост лошади может переправиться через реку»; *Бир атны бойну бла сау жылкы суу ичер* «Благодаря одной лошади целый табун может утолить жажду» и др. Традиционно лошадь была атрибутом, мерилем богатства: *Къой – байлыкъ, жылкы – сыбайлыкъ* «Овцы – богатство, табун – изящество». Отсюда видно, что лошади – большее богатство по сравнению с другими домашними животными. Нарекающий именем мальчика должен был делать большой подарок, каковым в свое время являлась лошадь, об этом свидетельствует паремия *Ат атагъан атха миндирир* «Нарекающий именем посадит на лошадь»².

В пословицах и поговорках о животных беспощадно высмеиваются трусость, лживость, двуличие, легкомыслие, притворство и другие отрицательные черты характера. Таковы, например, паремии: *Къоркъакъ ит арбазында батыр болур* «Трусливая собака в своем дворе смелая», *Къоркъакъ ит орнундан юрюр* «Трусливая собака с места лает», *Къоркъакъ ит жашыртын къабар* «Трусливая собака тайком кусает», *Тюлкю къайры барса, къуйругу да ары барыр* «Куда лиса, туда и ее хвост». Отсутствие благоразумия, чувства реальности предается осмеянию: *Чычхан тешигине кеси киралмай эди да ызындан да бир такъмакъ тагъа эди* «Мышь сама не умещалась в норке, а еще груз за собой волочила» и др.

Карачаевцы и балкарцы, их предки всегда с большим презрением относились к хвастовству, невоздержанности, к попыткам демонстрировать грубую силу, к безответственности и безрассудству: *Жукълагъан асланны уятма* «Спящего льва не буди», *Орунундан чыкъгъан итни бёрю ашар* «Собаку, не знающую своего места, волк задерет», *Жукълайды деп, жилинны башын басма* «Не наступай на голову змеи, думая, что она спит» и др.

Некоторые пословицы содержат в себе представления народа о гордости и чувстве собственного достоинства: *Ит ийисгеген сууну аслан ичмез* «Воду, которую нюхала собака, лев не станет пить», *Аслан ач да тюлкю токъ* «Лев голоден, да лиса сыта».

В горах особенно важное значение имели дружба, товарищество, умение делить радости и горести соплеменников, умение уживаться. Пословицы подвергают резкой критике неуживчивость, эгоизм, индивидуализм: *Эки макъа бир жалтакъгъа сыйыммаз* «Две лягушки на одном плоскогорье не умещаются», *Тыш кишитик юй кишитикни къыстай эди* «Дворовая кошка выгоняла домашнюю кошку», т.е. выпроваживала из дома). В пословице *Ит биченнге жата эди да кеси да ашамай эди, малгъа да ашатмай эди* «Собака ложилась на сено и сама не ела, и скотине есть не давала» говорится о жадности и эгоизме.

Таким образом, тематический диапазон карачаево-балкарских пословиц и поговорок о животных необычайно широк, и приведенные здесь примеры составляют лишь его малую часть.

Пословицы и поговорки очень живучи. Своей необычайной долговечностью они обязаны не только своей смысловой ёмкости, но и своей высокохудожественной оформленности. А она достигается, как правило, различными средствами, как лексическими, так и стилистическими. Все элементы паремий подчиняются их главной задаче – раскрыть мысль полнее, точнее и ярче, таким образом достичь концентрации мысли, выявления смысла сказанного. В этом смысле карачаево-балкарские пословицы и поговорки о животных могут быть примером архикраткости и отсутствия аморфности. Например: *Артыкъ ёгюзча* «Как лишний вол», *Ат чабса, ит чабар* «Конь поскачет – собака залает», *Макъа да кирген кёлюм терен болсун дейди* «И лягушка хочет, чтобы ее лужа была глубокой».

Типизация явлений – неотъемлемое свойство пословиц и поговорок. При типизации наиболее существенные черты и свойства субъекта выдвигаются на передний план: *Бир ёгюзню бойну бла минг ёгюз суу ичер* «Благодаря одному волу тысяча волков напьются воды», *Бугъаны кючю – бойнунда* «Сила быка – в его шее», *Жатхан бёрю токъ болмаз* «Лежащий волк сытым не будет», *Бёрюню къарынын аягъы асырар* «Живот волка сохранит его нога»³.

Изучение карачаево-балкарских «фауновых» паремий, т.е. паремий о животных, показывает, что их изобилие в фольклоре – явление неслучайное. Использование названий животных в паремиях основано, с одной стороны, на знании их характерных особенностей, свойств и повадок. Например, изречение: *Айыудан къачсанг, кёнденен къач* «Убегай от медведя по склону наискосок» содержит не только мысль о том, что медведь в силу своей неуклюжести и грузности не способен бежать наискосок по склону и догнать преследуемого, хотя это тоже очень

важный и конкретный совет в условиях гор. Ведь не каждый может догадаться, что при беге вверх и вниз медведь проявляет достаточное проворство и развивает довольно высокую скорость. В изречении речь идет, прежде всего, о том, что для того, чтобы добиться победы или успеха, надо знать, с кем имеешь дело, в чем его сила и слабость, достоинства и пороки, что только знание объективной реальности дает возможность правильно рассчитать свои силы и действовать эффективно и правильно.

Карачаево-балкарские сказки о животных имеют архаическую, традиционную присказку, тайный магический язык, что объясняется анимистическим миропредставлением и желанием предостеречь слушателя «от порчи». В частности, во вступлении ряда сказок о животных опорными словами являются лексемы «собака», «змея», «лягушка», «ворон», символизирующие тайную магическую силу, которая должна оберегать слушателей от злой, нечистой силы⁴.

Сходство образов животных персонажей сказок и паремий – неслучайное явление. Многие образы животных, особенно ведущие, видимо, в глубокую старину, перешли из сказок в пословицы и поговорки в виде «готовых моделей», – образов, свободных от пространственных первоначальных контекстов, удобных для разговорной речи своей краткостью и обобщающей смысловой силой, художественной образностью паремий. И, возможно, являлись архикраткими сказками, сгустками сказок.

В этом убеждает и существование целого ряда промежуточных явлений типа: «Эчки уругъа тюшгенинде, бёрюге «къарындашым!» – дей эди «Когда коза упала в яму, сказала волку: «Брат мой!», Къапчыкъны башы ачыкъ тургъанлай, тюбюн теишген къайсыгъызсыз? – дегенди кишитик чычханлагъа «Когда мешок (кожаный) и так открыт сверху, кто же из вас продырявил его снизу? – сказала кошка мышкам», Егюз, жаргъа жууукъ барма, манга жюк боласа! – дегенди эшек «Вол, ко рву близко не подходи, не то станешь мне грузом!» сказал осел». Это – архикраткие сказки о животных, сжатые почти до уровня паремий. Они бытуют в народе чаще всего самостоятельно, отдельно от начальной части сказки. Возможно, что приобретение такой самостоятельности частями сказок когда-то и давало пословицы и поговорки. Последние два образования являются фрагментами и поныне бытующих в народе сказок *Кишитик бла чычханла* «Кот и мыши», *Ёгюз бла эшек* «Вол и осел». В сказке *Кишитик бла чычханла* повествуется о том, что постаревшая кошка уже не могла ловить мышей и объявила, что теперь она осознала свою вину перед мышами, очень сожалеет о своей былой вражде с ними и решила извиниться перед мышами, помириться. Обрадованные молодые мыши собрались к ней. Но одна старая мышка заявила: «Если знакомые мне усы все еще при кошке, то ничего хорошего она вам не сделает! Не ходите!» Но молодые мыши не послушали ее и пошли. Кошка закрыла дверь, перекрыла другие пути к отступлению и сказала свою ставшую афоризмом знаменитую фразу об открытом мешке и мышиною безнравственности, после чего все серое племя любителей продырявливать мешки было уничтожено. Слова мудрой старой мыши из этой сказки о кошке и ее усах также стали афоризмом и бытуют самостоятельно, и недаром они и им подобные афоризмы включены в сборники вместе с пословицами и поговорками.

Сказки, с детства окружая людей, укрепили в их сознании определенные устойчивые образы животных, ставших как бы носителями определенной нравственности и типа поведения. Трансплантация готовых моделей образов дала мощный импульс к возникновению многообразных и многочисленных паремий о животных. В результате в настоящее время пантеон животных персонажей карачаево-балкарской паремиологии гораздо богаче и шире, чем сказочный. Пословичный и поговорочный фольклор «усеян» яркими, многогранными образами животных, зверей, птиц и тварей, которых не встречаем в сказках.

Примечания

1. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 2. С. 127–130.
2. *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К.* Этнокультурная составляющая зоолексемы «лошадь» в карачаево-балкарском языке // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 2. С. 106–109.
3. *Аппоев Ас.К., Аппоев Ал.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 130 с.
4. *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 184.

INTERTEKSTUALLY OF KARACHAY-BALKARIAN PAREMIUS AND TALES ABOUT ANIMALS

Аппоев Алим Каншауович, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), appoev74@mail.ru

The article deals with the language of fairy tales in the linguistic and stylistic aspect. Karachaevo-Balkarian fairy tales – a stratum of oral folk art that is vivid and diverse in genre, plot, linguistic and artistic-stylistic terms. The fairy tale is one of the largest, interesting, and unusually complex kinds of folk literature. The study of the Karachai-Balkarian “fauna” paremius shows that their abundance in folklore is not a coincidence. Many images of animals, especially those leading, apparently in the past, have changed from fairy tales into proverbs and sayings in the form of “ready-made models”, ie, images, free from the extensive initial contexts, convenient for speaking with its brevity and generalizing the semantic force, the artistic imagery of the pares.

Keywords: Karachay-Balkar language, paremia, fairy tales about animals, proverbs and sayings about animals, vocabulary, stylistics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-3-38-78-82